

НАДЕЖКИНА НАДЕЖДА

ВДОХ ПОЛНОЙ ГРУДЬЮ

#АтакаНаРак

Абсолютно правдивая история, которая поможет понять алгоритм действий после того, как врачом произнесено слово «рак».

Надежда Надежкина

Вдох полной грудью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710842

ISBN 9785006059429

Аннотация

«В книге живым и понятным языком рассказывается о персональном опыте борьбы с раком. В данном случае с раком молочной железы. Для российского читателя эта книга необычна тем, что в ней даются подробные пошаговые инструкции пациентам с диагнозом „рак“, и ценные рекомендации по выживанию в российских условиях». Егоров Вячеслав Иванович, доктор, профессор кафедры хирургии эндоскопии, клинической трансплантологии Института последипломного профессионального образования ФМБА России.

Содержание

Рецензия	5
Введение	8
Глава 1	14
Преодолеть барьер	14
Чек-лист: что нужно знать о профилактике РМЖ	20
Глава 2	21
Яичница разбитых надежд и ожиданий	21
Чек-лист при получении «плохой» гистологии	30
Глава 3	31
Копия по цене подлинника	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вдох полной грудью

Надежда Надежкина

© Надежда Надежкина, 2023

ISBN 978-5-0060-5942-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рецензия

Перед вами книга человека, не имеющего прямого отношения к медицине, рассказывающая живым и понятным языком о своем персональном опыте борьбы с раком. В данном случае с раком молочной железы. Для российского читателя эта книга необычна тем, что в ней даются подробные пошаговые инструкции пациентам с диагнозом «рак», и ценные рекомендации по выживанию в российских условиях. Для того чтобы написать такое, мало быть пациентом, имеющим литературный талант, надо быть позитивно настроенным бойцом, желающим помочь не только себе, но и другим.

Основной посыл книги в том, что пациент со злокачественным заболеванием (и его близкие) должен уметь получать и использовать всю достоверную современную информацию по поводу своего заболевания для того, чтобы получить наилучшее на данный момент лечение и увеличить свои шансы не только на продление жизни, но и на выздоровление. Кое-что пациент будет воспринимать легко и полностью, кое-что с трудом и не до конца, но ради своей победы над раком он должен научиться эту информацию понимать. Это понимание является таким же обязательным компонентом эффективного лечения, как доверие к своему врачу.

Пациентам книга позволит избежать ошибок и потери времени в поиске правильных решений, как в начале пути,

так и в процессе лечения, поможет осознать, что рак — это не приговор, а диагноз. Да, диагноз ошеломляющий и страшный, но путь к выздоровлению есть, хотя путь этот непростой и небыстрый.

Для врачей книга тоже будет полезна, т.к. взгляд на их работу с «другой стороны» даст им возможность лучше понимать больного и тем самым сделаться лучше самим.

Это лучшее на русском языке, что я читал о персональной борьбе с раком, и, на мой взгляд, сравнимо по силе с книгой «Fighting Cancer» Annette и Richard Bloch. (Richard Bloch пережил два рака и прожил 23 года после того, как ему прогнозировали смерть через три месяца от рака легкого.)

Эта книга нужна не только для пациентов с раком молочной железы, но поможет каждому пациенту с раком любой локализации, его близким и его врачам победить болезнь.

Егоров Вячеслав Иванович, руководитель онкологической службы и центра гепатопанкреатобилиарной хирургии Ильинской больницы, доктор медицинских наук, профессор кафедры хирургии с курсами онкохирургии, эндоскопии, хирургической патологии, клинической трансплантологии и органного донорства Института последипломного профессионального образования ФМБА России.

Член Ассоциации хирургов—гепатологов России и стран СНГ, Международной панкреатологической ассоциации (IAP), Хирургического общества пищеварительного тракта (The Society for Surgery of the Alimentary tract, SSAT, USA), Ев-

ропейского панкреатического клуба (ЕРС), Международной гепатопанкреатобилиарной ассоциации (ИНРВА), Российского и Украинского панкреатических клубов, Российской ассоциации эндокринных хирургов, Российского хирургического общества и Общества хирургов Москвы и Московской области.

Введение

...30 лет назад я пошла в первый класс. Отчетливо помню многие сцены из того первого сентября. Было это в 1992-ом.

Мама, папа, бабушка, дедушка гордые, встревоженные и немного озадаченные высматривали сквозь толпу других родителей, как их единственное чадо стояло на линейке. Дедушка даже сумел сделать несколько фото. Черно-белых, пленочным фотоаппаратом, который собрал из кучи запчастей. Это были мои первые «торжественные» фотографии, ведь в детский сад я не ходила: меня воспитывали те, кто в тот день не сводил глаз с любимой первоклашки. Я шла в школу с радостью, потому что еще не понимала, *сколько* мне придется учиться.

* * *

Мама, папа и я жили в 17-метровой квартире в общежитии. Жили только своей семьей, со своей прихожей, ванной, кухней. Правда, холодильник жил с нами в комнате, поскольку в крошечной кухоньке не умещался. И это было счастливое детство с миллионом игрушек. Все, что я хотела, мне покупали в буквальном смысле слова на последние деньги.

Вспоминается мой первый самостоятельный поход в магазин. Мне было пять.

– Мама, мама, я разбила бутылку, – еле-еле, сквозь слезы смогла произнести я, держа в руках авоську, из которой капал кефир.

– Солнышко, не переживай, не расстраивайся, мы сейчас пойдем и купим тебе игрушку, какую только захочешь.

Так у меня появился парикмахерский набор, которому завидовали все сверстники. Говорят, это и есть баловство. Других за подобный проступок ругали, меня утешали и дарили подарки. Хотя я не выросла избалованным ребенком, ну, если только самую малость...

Если не было денег, мои вещи и игрушки продавали на рынке. Я радовалась, когда мы с мамой наглаживали кукольное платье и делали прическу Барби перед продажей. Мне было даже весело – маме нет.

Хорошо запомнила ее слова: «Все, что мы можем, мы тебе даем и всегда поможем. Но если ты хочешь жить лучше – это только в твоих руках».

* * *

И я взялась за учебу, закончила одну из самых престижных гимназий города Оренбурга с золотой медалью. Конечно, родители меня всячески поддерживали. «Синдром отличницы» был у меня и в ВУЗе, но на последних курсах отличные отметки нужны были только для повышенной стипендии. Я писала научные статьи и выступала на студенче-

ских конференциях, что помогло «прокачать», как сейчас говорят, мои коммуникативные навыки. Моей целью было переехать в Москву.

Пока я сама не мама, хотя очень хочу ей стать (об этом еще много напишу). И я не могу даже представить тех душевных терзаний, которые испытывали мои родители, отпуская меня в столицу. Финансовое положение в семье улучшилось, в скором времени после переезда родные помогли мне решить жилищный вопрос, да и сама я стала неплохо себя обеспечивать.

В Москве быстро нашла работу, набралась опыта в международных компаниях. У меня есть любимый муж. Про него будет сказано еще много. Он чудесный, понимающий и свернет ради меня горы. Я знаю.

Сейчас являюсь руководителем контакт-центра прекрасной московской больницы. Буду называть ее «ИБ». Лечение я проходила там же. У каждого – свой путь, но, надеюсь, мой опыт и советы помогут вам.

Вспоминается диалог с бабушкой, который состоялся еще в начальных классах:

– Думаешь, больше всего на свете не хочешь идти в школу?

– Да! – уверенно кричала я, одна из лучших учениц класса, никогда не прогулявшая ни одного урока.

– Вот будешь работать и узнаешь, что на работу идти

не хочется в тысячу раз сильнее.

И сейчас я с бабушкой категорически не согласна. На своем примере могу доказать: работа по душе существует. Да, иногда вставать по будильнику тяжело. Но это того стоит: увлекательные проекты, фантастический коллектив, замечательное руководство... Все в наших руках!

Грустно, потому что бабушки и дедушки уже нет с нами. Но в остальном, казалось бы, жизнь удалась. Поездки в отпуск к родителям, незабываемые путешествия с мужем. Мы посетили и Европу, и Азию, и США. Экскурсии, выставки, вкусная еда в ресторанах и коктейли в барах на выходных, шопинг. Поездки бизнес-классом, правда, позволить себе мы не могли, но главное – вместе, главное – в радость!

Моя история жизни, наверное, покажется знакомой и понятной многим женщинам. Причем, не только ее «светлая» часть, но и диагноз «рак молочной железы». В тридцать пять.

Пройдя первую часть лечения – шесть курсов жесткой химиотерапии, поняла: я обязана поделиться тем, что узнала на своем опыте о лечении рака, последствиях, операциях. Об этом обычно не пишут в интернете. Там много глупых страшилок. Моя история абсолютно правдивая и поможет понять алгоритм действий после того, как врач произнес слово «рак».

Расскажу и о том, к кому бежать, если нащупали в молочной железе уплотнение. К хирургу? Онкологу? Маммологу?

Или нужно скорее сделать МРТ?

Разберемся в терминах: «биопсия», «ИГХ», «генетический тест», «сторожевые лимфоузлы» и т. п. Далеко не все врачи сообщают об этом пациентам, а просто делают назначения, которым приходится слепо верить. Но жизнь-то ваша, и она одна. Хорошо ли вы знаете врача, чтобы доверить ему себя и, как следствие, качество жизни ваших близких? Я уверена, что лучше подготовиться и самой хотя бы немного понимать, что к чему, знать основные моменты и этапы борьбы и задавать вопросы. Вопросы задавать НЕОБХОДИМО, потому что в лаборатории, к примеру, могут ошибочно выставить «не тот» тип рака – и такие истории я видела в процессе своей собственной борьбы. Так что тут принцип «доверяй, но проверяй» – работает на все 100%. Поэтому в каждой главе я предлагаю чек-листы, которые можно взять на вооружение и пройти путь вместе с вашим врачом.

* * *

Зачем я пишу о себе и своем детстве? Наверное, потому что, когда услышала о «смертельном» диагнозе, мой привычный мир на миг остановился. Страшно? Да. Унывать? Ну, нет. Почему? Да потому что нет у меня такого права!

Ведь в меня, в мою жизнь вложены килотонны любви, заботы и средств моих родных. Имею ли я право раскисать и показывать, что мне плохо, расстраивать их? Не имею пра-

ва даже на миг предположить, что не вылечусь. Да, мне повезло с семьей, да, так не у всех. Но наверняка у каждого/ой из нас есть близкий человек или домашний любимец, которого вы «приручили», за которого в ответе (помните, у Экзюпери?). И главное – у каждого из нас есть ОН САМ, есть бесценная жизнь, за которую можно и нужно бороться. В следующих главах я расскажу, что во время лечения помогало мне сохранять бодрость духа, продолжать работать на любимой работе, писать статьи, вести соцсети.

Хочу родить ребенка. И это не дает права раскисать из-за болезни, которая решила (за меня, заметьте!) испортить мне жизнь. О том, как я планирую реализовать план по продолжению истории своей семьи, – тоже напишу подробно. А если вы выбрали жизнь чайлд-фри, воплощайте другие мечты и цели, их же так много! Ну, а если на момент постановки диагноза дети у вас уже есть, то и мотивация борьбы с раком кристально ясная – жить ради них!

Хочу тусить с мужем, как в 25. И, с Божьей помощью, – буду! Уже задумала много поездок. Уже запланировала, в каких барах потанцую, муж уже купил мне наряд на выход. К чему это я? Да к тому, что желания будут исполняться, главное – их сформулировать и составить список.

Окружающие говорят, что я сегодня стала больше радоваться жизни, стала еще большей оптимисткой.

Но, давайте обо всем по порядку?

Глава 1

Преодолеть барьер

– Через неделю ты едешь в Сингапур, в головной офис на стажировку. Виза электронная, делается быстро. С загранпаспортом у тебя все в порядке? – спросила меня моя леди-босс через пару дней после того, как я устроилась на свою первую работу в Москве.

– Да. Все в порядке, – не веря в происходящее, пробормотала я и подумала: «Какое счастье, что на всякий случай я недавно получила загранпаспорт».

С родителями мы позволяли себе только редкие поездки по России. Никогда раньше я не ездила за границу. Мне было 22, и я была «тундриком» (так после моих рассказов в шутку называл меня муж). Несмотря на многие годы зубрежки английского в университете, я никогда раньше не общалась с иностранцами, заговорить с ними, к тому же с руководством компании, было смерти подобно. Ехать очень боялась. Но через 11 часов прямого перелета я оказалась в Сингапуре. Подробно описывать этот удивительный город не буду. Думаю, все станет понятно, если просто опишу аэропорт Чанги, который называют восьмым чудом света. Там фантастическая оранжерея с бабочками, сады, бассейн с джаку-

зи на крыше, скульптуры, брендовые магазины, бесплатное кино, игры Xbox... Но самое незабываемое ждало на выходе: двери терминала за тобой закрываются, и у тебя буквально перехватывает дыхание. Вот прямо физически «ловишь воздух» и в первые секунды просто не можешь нормально дышать. Все дело в непривычной для нас влажности воздуха. Но в 22 года ко всему быстро адаптируешься: и к климату, и к общению с иностранцами на английском. Поездка моя прошла отлично, я влюблена в Сингапур и была там еще не раз.

С той поездки прошло почти 15 лет.

* * *

– Раздевайтесь, сделаем УЗИ молочных желез, – сказала маммолог.

– Обязательно? Как-то неловко... – спросила я.

Как ранее упоминала, я работаю в клинике, врач – моя коллега. Мы много раз обсуждали на встречах и совещаниях алгоритмы записи пациентов, о чем операторы контакт-центра должны их предупреждать. Например, о том, что приходить к маммологу, если это рутинная проверка и нет жалоб, лучше на 7—12 день цикла с результатами предыдущих исследований. Для того чтобы выступить в роли пациента самой, мне нужно было перестроиться и общаться с доктором не как с коллегой. Я вспомнила свою первую поездку

в Сингапур. Тогда я же смогла преодолеть барьер общения с иностранцами, быстро адаптировалась. Здесь нужно было вести себя также. Абстрагироваться. Осознать, что это врач, который хранит врачебную тайну. Справилась в Сингапуре, справлюсь и сейчас.

Многие девушки боятся идти к маммологу или гинекологу из-за комплекса, неловкости, боязни услышать диагноз. Наверняка, многие сотрудники клиник испытывают похожие чувства, что и я, при первом приеме у коллег в своей больнице. Некоторые стесняются врачей-мужчин.

Мне помогло справиться с этим «барьером» воспоминание о победе над своей стеснительностью в первой загранкомандировке. Я смогла посмеяться над тем, каким «тундриком» я тогда была. Надеюсь, вы тоже сможете найти свою «точку преодоления», которая поможет победить страхи и неловкость. Идти к врачу необходимо, особенно, если вас что-то беспокоит!

– Нужно будет сделать маммографию, сходить на МРТ. А потом возьмем биопсию – маленький кусочек ткани, который отдадим в лабораторию для исследования. Сделаем быстро, буквально за 5 минут, с укольчиком ничего не заметишь. Пару дней нельзя будет мочить это место, – наметила план обследования врач.

Я посмотрела ей в глаза – и заподозрила неладное...

– А может быть что-то серьезное? Зачем все это?

– Не все так хорошо, но давай раньше времени не спешить волноваться.

Это был мой первый визит к маммологу. До этого момента, уже пару недель, пытаясь дотянуться до выключателя, лежа на кровати, я чувствовала «нечто странное» в груди, ближе к подмышке. Ощущение было похоже на то, когда трогаешь синяк. Но синяка никакого на этом месте не было, зато я нащупала маленький, как горошинка, шарик.

Испугалась.

Часто женщины не знают, к кому обратиться в подобных ситуациях. Некоторые, нащупав уплотнение, идут сразу к хирургу-онкологу. Но при обнаружении любого новообразования в груди нужно, в первую очередь, обратиться к маммологу. Он проведет (или назначит) диагностику молочных желез (УЗИ, маммографию, МРТ при необходимости). Не каждое уплотнение опасное и не каждое нужно удалять. Некоторые из них связаны с гормональной перестройкой организма, и когда гормональный фон нормализуется, уплотнения проходят. Поэтому не стоит сразу бежать к хирургу – это трата драгоценного времени.

«Рви здоровые, авось, до больного доберешься!» – советовал в присутствии молодого ординатора А. П. Чехова один опытный земский врач студенту, боявшемуся удалить паци-

енту «не тот» зуб. Этот инцидент послужил писателю сюжетом для рассказа «Хирургия» (1884). Хотя с того времени прошло почти 150 лет, и в частной медицине, и в государственной до сих пор есть врачи, которые «удаляют и то, что нужно, и то, что не нужно». Иным врачам быть честным хочется, но меньше, чем богатым. Поэтому, прежде чем записываться на прием, наведите справки о враче, спросите знакомых, найдите отзывы о нем. Я же обратилась в ИБ, несмотря на робость перед коллегами, потому что доверяю им. А еще потому, что такая здесь подобралась команда – профессиональная, порядочная и искренняя.

Но не у всех из нас есть возможность обратиться в платную клинику. Да и, надо заметить на полях, – не все платные клиники одинаково хороши. Именно поэтому нужно хотя бы немного разобраться в вопросе самим.

Если на снимке УЗИ образование в ширину больше чем в высоту, скорее всего, это доброкачественный процесс.

На снимке, который был у меня, все оказалось по-другому. Дыхание у меня перехватило, как в Сингапуре, когда я вышла на улицу из аэропорта. Я почувствовала, что речь идет о подозрении на рак, хотя, врач, конечно же, этого слова не произносила. Воздуха не хватало. Комок подступил к горлу. Я «перевела мысль», подумала про свое первое зарубежное путешествие. Вдох-выдох. Я стала одеваться, чтобы пройти на МРТ. Повезло, что аппарат был свободен.

МРТ молочных желез делают, как правило, с внутривен-

ным введением контрастирующего вещества. В прайсе такое исследование называется «МРТ с контрастом». Аллергии на его компоненты у меня не было, поэтому мне поставили катетер в вену (это не больше обычной сдачи крови) и повели на исследование:

– Мы вас укроем, потому что исследование занимает 30—60 минут, а в помещении специально поддерживается достаточно низкая температура. В случае чего, аппарат можно остановить в любой момент, нажав на сигнальную кнопку, – проинструктировал меня рентген-лаборант.

Мой совет, если вы идете в незнакомую клинику, возьмите с собой что-то теплое, чтобы укрыться. Захватите даже перчатки и шапочку, если вы мерзлячка. Не везде есть пледы и заботливый персонал. А простыть можно проще простого, проведя 30—60 минут в холодной комнате с кондиционером.

Биопсию взяли после маммографии и описания МРТ. Наступило самое ужасное время – время ожидания «приговора». Описание результата МРТ врач обычно делает от часа до суток и более, это зависит от регламента клиники. Биопсия готовится, как правило, 5—10 дней.

«Терпение-терпение мой самый лучший друг» – строчки из детского стихотворения, которое мы учили с бабушкой. Нужно было ждать...

Чек-лист: что нужно знать о профилактике РМЖ

☐ 1 раз в год женщинам и девушкам до 40 лет рекомендуется проходить УЗИ молочных желез.

☐ 40 лет – возраст, с которого показано проведение маммографии.

Сколько бы вам ни было лет, нужно самим периодически пальпировать молочные железы. Важно, обнаружив любое уплотнение, как можно скорее обратиться к маммологу!

☐ На 5 – 10 день цикла рекомендуется плановое посещение маммолога.

Важно! Правильно настроиться на прием, преодолеть стеснения, страх, честно и подробно рассказать о своих ощущениях. Вспомните ситуацию, в которой вы боялись неудачи, но в конечном итоге вышли победителем. Тут то же самое. Вы победите!

Глава 2

Яичница разбитых надежд и ожиданий

...Эта фраза крутились у меня в голове, когда я глотала приготовленную мамой «на скорую руку» еду. А могла бы баловаться вкусняшками на празднике в честь отличного окончания первого класса, куда не попала из-за самого настоящего... пожара!

Солнечное весеннее утро 1993 года началось с оглушительного звонка в дверь:

– Я живу в доме напротив и в окно увидел, что у ваших соседей пожар. Телефона у меня нет. Срочно звоните 01!

Папа мгновенно натянул свитер и ринулся в лифтерскую на первый этаж, где был единственный телефон в доме. Пока он бегал, дверь соседской квартиры обрушилась от огня. Папа вбежал прямо в пламя и выволок соседку. Она была жива, но без сознания. Мы с мамой ждали в квартире. Папа обливал водой входную дверь снаружи, чтобы огонь не перекинулся к нам. Я с трудом понимала происходящее: едкий дым, который проникал через щели, невыносимая жара в комнате, крики и вопли соседей, и папы не было рядом. Ждали

пожарных, ждали, когда папа придет домой.

Ждать не нравится никому. Но ожидание часто заставляет понять важность привычных вещей и мелочей, ценность которых воспринимается как должное. Я осознала, насколько сильно люблю папу, пока ждала его. Во время пожара папа получил ожоги лица и рук. Несколько месяцев он был на больничном. Он – герой. Настоящий герой. Все закончилось хорошо. Соседка осталась жива, мы с мамой невредимы. Дверь мы заменили. А со временем, уже взрослой, осмысливая тот эпизод с пожаром, я поняла ценность ожидания.

* * *

Пожар, в прямом или переносном смысле, может ворваться и изменить жизнь каждого. Начинаешь ценить крышу над головой или свои отношения, когда ждешь пожарных или возвращения близкого человека.

Начинаешь ценить жизнь и в момент, когда ждешь результатов гистологии. Забегая вперед скажу, что все лечение рака может, но не должно превратиться в мучительное ожидание. Ждать придется результатов анализов, по итогу которых можно приступить к следующему курсу химиотерапии, описания контрольного МРТ, которое показывает отклик организма на проводимое лечение, и так далее. Нужно стараться жить как ни в чем не бывало. Анализы не станут лучше, ес-

ли каждые полчаса проверять электронную почту в надежде увидеть заветные цифры, означающие улучшение. А вот на гормонах, нервах и сердце «жизнь в ожидании» точно скажется негативно. Жить нужно сейчас, а не завтрашним днем, когда болезнь отступит.

* * *

Прошла неделя с момента моего визита к маммологу. В теплый субботний день раздался телефонный звонок. Я сразу поняла, что гистология готова, когда на экране мобильного определился номер врача.

– Оно самое? – решив прервать прелюдию к разговору, резко спросила я.

– Да, она самая, злока – слово «рак» маммолог сразу не произнесла. – Но отлично лечится. Быстро ее убьем. Котик, прорвемся! – продолжала она нежным и подбадривающим голосом.

Я старалась внимательно слушать, но едва сдерживала слезы, несмотря на то, что я была морально готова и старалась подготовить родителей и мужа к «новостям».

– Теперь мы будем ждать результаты ИГХ. Это иммуногистохимическое исследование ткани, взятой при биопсии. Исследование нужно для установления типа рака и подбора нужного лечения. Пару дней готовится. Все будет хорошо. Запишись сразу к онкологу, но к нему нужно идти уже с ито-

гом ИГХ...

– А это значит, нужно будет делать химиотерапию, выпадут волосы... или предстоит операция? – начала допытываться я, перебив врача.

– Что именно и в каком порядке нам с тобой предстоит: хирургическое вмешательство, химиотерапия, прием таблеток, – решат на консилиуме. Тактика лечения зависит от характера опухоли.

Что еще врач говорила, и что я «щебетала» в ответ – уже не вспомню. Муж сразу понял все по моей реакции, объяснять ему не пришлось. Ничто так не раздражает в подобные моменты, как предложение успокоиться, поэтому Миша просто обнял меня и дал хорошенько поплакать.

Самое важное при сообщении пациенту о страшном диагнозе – поддержка врача и обозначение им четкого плана действий, как это было у меня. Знаю случаи, когда врачи говорят в лоб равнодушным и безучастным тоном, словно надев на себя маску: «У вас рак молочной железы, предстоит лечение». Это влияет на психоэмоциональное состояние пациента и может убить надежду на выздоровление. Тем, кто оказался в такой ситуации, советую поздравить врача: либо у него куча личных проблем и мало профессионализма, либо слишком много пациентов, и он превратился в бесчувственного робота. Такие люди не мамонты – будут всегда. Нужно выдохнуть и начать переходить от стадии отри-

цания к принятию временной проблемы. Диагноз не приговор, а своего рода «пожар», который обязательно потушите, но на какое-то время он поменяет ваши планы.

* * *

День пожара, когда я ждала папу и не попала на утренник по поводу окончания первого класса, изменил наши планы. Папа проходил лечение на дому, для сбора показаний по возбужденному уголовному делу к нам часто заходили «дяди милиционеры» – так с уважением представляли их мне родители. Маме пришлось переделывать уложенную к празднику прическу, популярную в начале 90-х «химию» – химическую завивку, поскольку от температуры и влажности при пожаре волосы распрямились... Но главное переживание состояло в том, что мы не поехали в отпуск. В те времена никто даже представить себе не мог отдых на берегу океана, ни о чем не говорило название популярного горнолыжного курорта Церматт, а слов «каршеринг, навигация, кондиционер, круиз-контроль» не существовало. В вояж наше семейство собиралось на запорожце – советском малолитражном автомобиле. В санаторий на берегу Волги мы уже ездили, поэтому я знала и ждала купания, пляжных игр, каруселей на детской площадке. После пожара, пока папа лечился, планы на лето рухнули, мы провели его в городе.

– Собирайся, пойдем в парк, кататься на колесе обозре-

ния, — скомандовал дедушка.

Мне очень нравилось в парке, я обожала «колесо». А в тот раз его вообще «замкнуло»: аттракцион сломался, и мы с дедушкой проболтались целый час на самом верху, почти под самым небом! Начал накрапывать дождик, мне было весело, а вот дедушка, как я понимаю это сейчас, чуть не плакал.

— Сегодня мы идем в джунгли! — с утра оповестила бабушка. «Джунгли» — полянка перед соседним домом с высокой для семилетнего ребенка некошенной травой, сорняками и дикорастущими цветами. Там мы протапывали тропы, наблюдали за бабочками, искали жука-носорога, а еще играли в игру «кто найдет больше стеклянных бутылок». Их мы потом сдавали в пункт приема стеклотары.

А еще тем летом были веселые вечера с мамой и папой. Мы рисовали свои собственные мультики на обратной стороне неиспользованных предвыборных листовок, которые папа приносил с работы. Хорошая бумага — по ней плавно скользил карандаш...

Поездку в санаторий мы перенесли на следующий год. Несмотря на это, каникулы я провела отлично, с массой развлечений, которые, к слову, были практически бесплатными (колесо обозрения не в счет). Самым ценным в них были любовь и время, которое родные не жалели для меня.

* * *

Узнав о том, что у меня рак, я поняла, что мне нужно «перепланировать» все запланированное на ближайшее время. Отменять я ничего не собиралась, просто все переносить, как мы перенесли наш с родителями отпуск из-за того пожара, двигать планирование беременности, поездку к родителям, отдых на Мальдивах, походы в рестораны и встречи с друзьями. Придется иногда работать из дома и отказаться от покупок, поскольку нужны деньги на лечение. Придется отменить визит в салон красоты, который стоял в графике через пару месяцев, и покупать парик. Придется потерпеть и продумать, как разнообразить жизнь с учетом новых физических возможностей, какие «походы в джунгли» устраивать.

Мама и папа восприняли новость на удивление спокойно. Либо, как говорят, сработала защитная родительская реакция, которая не позволяет верить в то, что с любимым чадом может произойти нечто ужасное, либо они решили своими слезами не расстраивать меня еще больше. Выбор лечебного учреждения у меня не стоял. Но начала я свое планирование не с того, что было нужно, а с поиска информации, почему возникает рак молочной железы и что делать при его обнаружении.

– Сколько там чуши! – начитавшись, жаловалась я по телефону подруге. – Пишут, что рак может возникнуть от регулярной вакцинации против гриппа, приема антидепрессантов и даже от ношения бюстгалтера. Если бы все было

так просто, и человечество знало причину появления рака, от него давно бы изобрели «пилюлю».

– Ты лучше не это читай, а поищи лабораторию, где надо пересмотреть «стекла» и «блоки», когда ИГХ будет готово, – со знанием дела прервала мою речь подруга, у сестры которой было такое же заболевание.

– Знаешь, даже работая в больнице и регулярно слыша эти слова, я до сих пор не знаю, что собой представляют «стекла» и «блоки».

– «Блоки» похожи на кусочек свечки, в который запаяна частичка ткани человека, полученная во время биопсии. Они еще не готовы для изучения. Материал из блока нарезают, окрашивают специальными растворами и изучают, нанеся на стекло. Ничего страшного на вид. Если не знать, что это такое, то можно подумать, будто какие-то соринки внутри парафиновой пластинки. «Стекла» – это медицинский сленг. На кусочек стекла наносится гистологический препарат, окрашивается красителем, и биологический материал потом изучают под микроскопом. «Стекла» и «блоки» можно хранить дома хоть вечно, в темном, проветриваемом месте.

– Прости, а зачем их пересматривать? У нас замечательная больница, а отправляют материал в проверенную лабораторию.

– Никто не застрахован от ошибок. А их может быть много: стекла с образцами могут банально перепутать, специа-

лист, проводящий исследование, может ошибиться как при изучении ткани, так и печатая, и внося в компьютер значения.

– И что же тогда будет, если ошибутся?

– Ошибается тот, кто гистологию не пересматривает. Все хорошо будет, но обязательно позвони моей сестре Вере. Она расскажет тебе много полезного.

Так судьба свела меня с Верой. Я ее знала только по рассказам подруги. Она была уже на середине пути в процессе лечения. Девиз Веры по жизни «Мечты должны быть либо безумными, либо нереальными... Иначе – это просто планы на завтра!»

...На следующий день я запланировала записаться к онкологу-химиотерапевту, найти лабораторию для пересмотра гистологии, поговорить с Верой. Меня очень тревожило, что же может произойти в случае ошибки в ИГХ и как выбирают схему лечения. Я ждала утра, чтобы приступить к первым шажкам в «тушении пожара». А когда легла спать и положила голову на плечо мужа, поняла, **как же сильно я хочу жить.**

Чек-лист при получении «ПЛОХОЙ» гистологии

□ Шаг 1. Помните, рак – это «пожар», и пока вы ждете, когда он потухнет, взгляните еще раз на мир и оцените, как он прекрасен. Не стесняйтесь на этом этапе обратиться к психологам, если требуется помощь.

□ Шаг 2. Сообщить семье о диагнозе и о том, что вы временно меняете некоторые жизненные планы, но обязательно выполните их чуть позже.

□ Шаг 3. Пока готовятся результаты ИГХ, займитесь поиском лаборатории для пересмотра «стекол» и «блоков». Крайне важно перепроверить, что исследование проведено корректно.

□ Шаг 4. Займитесь поиском клиники, где будете проходить лечение, и запишитесь к химиотерапевту, пока в расписании врача есть удобное вам время.

□ Шаг 5. Подумайте, кому из друзей вы хотите рассказать о диагнозе. Поддержка и помощь вам будут необходимы.

Глава 3

Копия по цене подлинника

Всемирно известный аукционный дом Сотбис (Sotheby's) дает гарантию на купленный в ходе торгов предмет искусства на два года. Бывает, что качество исполнения фальшивок превосходит уровень экспертизы. Даже самый опытный эксперт, проведя визуальный осмотр картины с применением современных чудо-технологий, может ошибиться. Поэтому подлинность полотна подтверждает команда специалистов, и на это дается два года!

Этот факт, как ни странно, возможно, спас жизнь Веры, с которой я созвонилась утром.

Есть люди, общение с которыми заряжает энергией. Их интересно слушать, они умеют слышать собеседника и, подобно магниту, притягивают к себе. Именно такой оказалась Вера. Она увлекается искусством, начитана. При этом не пытается соответствовать каким-то стандартам и остается сама собой, бескорыстно делясь идеями и нестандартным взглядом на жизненные вопросы.

— Представь, что ты стала мультимиллиардером. Подлинник какой картины ты купила бы для украшения своего дворца? — на втором часу телефонного разговора спросила

меня Вера.

– Так и не скажешь сразу... Такого быть не может. И не продаст никто... Станный вопрос. Ну, пусть будет «Крик» Эдварда Мунка – пробормотала я после неловкой паузы. Я не знаток искусства и меня вдохновляет скорее Шишкин, нежели экспрессионизм. Скорее всего, на мой выбор повлиял еще «тлеющий во мне пожар».

– Прекрасно! А как ты узнала бы, что покупаешь подлинник, а не хорошую копию?

– Ну, я показала бы искусствоведам, независимым экспертам, на всякий случай...

– Умничка! И ключевое в твоем ответе – это множественное число. Экспертам – настойчиво проговорила Вера. Ты бы не постеснялась это сделать, верно?

– Нет, конечно, ведь я бы платила как за оригинал, а не фейк.

– Знаешь, как верифицируют опухоль, то есть определяют, из каких доброкачественных или злокачественных клеток она состоит?

– С помощью гистологии, – уверенно сказала я, не совсем улавливая связь с темой искусства.

– Анализируемый материал обрабатывается особым образом, его нарезают и окрашивают. А окрашенные срезы изучаются под микроскопом, подобно тому, как искусствовед изучает полотно, чтобы определить, действительно ли оно принадлежит кисти великого художника.

«Интересно», – подумала я, но не стала прерывать монолог Веры.

– После гистологии, в случае подозрения на рак, на том же материале обязательно проводят ИГХ. Опухолевые срезы окрашиваются антителами, способными связываться антигенами (белками), которые несут опухолевые клетки. Разные опухолевые клетки несут разные антигены, к каждому из которых, подобно ключу к замку, подходит антитело. Это позволяет выявить чувствительность к терапии и подобрать нужное лечение. Чуть подробнее расскажу потом тебе про это. Самое важное, – со знанием дела продолжала Вера, – правильно провести гистологию. Ошибки в ней могут быть у всех, ровно так же, как можно ошибиться при проведении искусствоведческой экспертизы. Только цена вопроса не миллионы, а гораздо бóльшая – жизнь. Если под микроскопом специалист при анализе копии не отличит авторскую манеру, характер почерка, краски и мазки от оригинала – никто не умрет. А если не увидит, не распознает, не доглядит и не заметит злокачественных клеток и то, как они укладываются друг относительно друга в микроскопе специалист, проводящий гистологию, через два года шансы на то, что метастазы не распространятся по всему организму, весьма сомнительны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.